

Источник: Азаров В. Б. Яшинская рябинка : [воспоминания о поэте] / В. Азаров // Литература великого подвига : Великая Отечественная война в литературе / сост.: В. Косолапов, Л. Лазарев. – Москва, 1980. – Вып. 3. – С. 497–507.

2. ЯШИНСКАЯ РЯБИНКА

Письмо пришло ко мне из Вологды. Обратный адрес начинался словами — «Яшинская рябинка». Участники литературного кружка имени Александра Яшина, учащиеся ПТУ, просили рассказать о том времени, когда в военные годы мы подружились на Балтике с их замечательным земляком.

... Это было в разгар блокады, в Ленинграде. На Васильевском острове, в Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота, было решено провести в начале февраля 1942 года совещание писателей-моряков. Оно проводилось по инициативе Оперативной группы писателей при политуправлении КБФ, которой руководил Всеволод Вишневский.

Александр Яшин прибыл на совещание с переднего края, с Ораниенбаумского «пяточка», где он служил в политотделе Ижорского укрепрайона. Я читал его фронтовые стихотворения на страницах газеты «Красный Балтийский флот», в выпускавшейся ПУБАЛТОМ серии «Боевая краснофлотская поэзия». Эти сборнички у моряков можно было встретить повсюду — в казематах фортов, на бронепоездах и на аэродромах, в землянках морской пехоты.

Когда я осенью 1941 года приезжал из Кронштадта на «пяточок», мне не довелось встретиться с Яшиным. Но я много слышал о нем от товарищей, о том, как он ходил с моряками в разведку, участвовал вместе с морской пехотой в боях. Друзья рассказывали о плохом состоянии его здоровья, связанном с легочной болезнью.

... В комнату вошел высокий худощавый человек в черной заиндевевшей шинели, в командирской шапке-ушанке.

Большое помещение было выстужено, сквозь выбитые, заколоченные фанерой окна с Невы проникал нестерпимый холод. В чернильнице синели кристаллы

замерзших за ночь чернил. Койки с плоскими тюфяками, на которых мы спали, были аккуратно застланы. В углу стояла «буржуйка» с длинной коленчатой трубой. В ней теплился слабый огонь.

Александр Зонин, знавший Яшина по Ораниенбаумскому «пяточку», представил группе нашего нового товарища. Лицо его было усталым, сумрачным. Всю первую половину дня добирался он через Кронштадт по льду Финского залива в город. Путешествие это под фашистским обстрелом с Петергофского берега было всегда опасным.

Яшина поразил огромный, безлюдный, обледенелый город с барханами небурного снега, разбитыми, вкованными в лед трамваями и троллейбусами.

Глаза нашего гостя смотрели внимательно, сосредоточенно. Казалось, он хотел все запомнить, все запечатлеть.

Доложившись по всей форме Вишневному, Яшин включился в будничные заботы нашего коллектива.

На другой день мне с Яшиным поручили доставить для участников совещания новые книги Военмориздата. Издательство в то время уже было эвакуировано, оставался небольшой производственный отдел, каким-то чудом выпускавший брошюры и даже книги.

Февральское небо над Ленинградом было безоблачным, ярко-голубым. Ветер разогнал тучи, холодное солнце отражалось на невском льду, серебрило поднятые над городом аэростаты воздушного заграждения.

Вишневецкий разрешил мне и Яшину зайти за книгами и ко мне домой.

Недавно я прочел в яшинских дневниках военных лет такие строчки: «С Азаровым ходили в ВМ изд-во. Принесли пятнадцать экземпляров Новикова-Прибоя — «Морские рассказы». У Азарова во дворе поленница трупов. Тела везут без конца, по два на санках — в одеялах и простынях. Гроб из фанеры — роскошь».

Перед вечером, когда, замерзшие и усталые, возвратились мы в Политуправление, о нас уже беспокоились.

Александр Зонин подержал на ладони книжку Новикова-Прибоя. «Это, наверное, последняя «новинка».

Чувство голода не оставляло нас. И все же мы находили внутренние силы для того, чтобы с ним бороться. Обломки приبلудившегося к нам мольберта брошены в

«буржуйку». Огонь весело вспыхнул, осветил худые, заостренные лица.

Было заведено, что в конце рабочего дня товарищи делились друг с другом своими впечатлениями, новостями. Возвратившиеся из передовых частей рассказывали об интересных событиях, встречах. Мы читали друг другу письма, полученные от близких. Много и подолгу читали чужие и свои стихи.

Вишневецкий, имевший доступ к широкой информации о положении под Ленинградом и на других фронтах, готовил для нас краткие обзоры.

Анатолий Тарасенков, обладавший прекрасной памятью, с увлечением декламировал четверостишия великого поэта Востока Омара Хайяма. Удивительно звучали эти созданные много веков тому назад строки в осажденном Ленинграде:

Мир громоздит такие горы зол!
Их над сердцами вечный гнет тяжел!
Но если б ты разрыл их! Сколько чудных,
Сияющих алмазов ты б нашел!

В тот вечер мы слушали стихи Александра Яшина. Он обладал завидным даром перевоплощать пережитое другими применительно к себе, своей жизни, своему личному опыту. Мне запомнилось стихотворение «Землянка», озорное, казалось бы, вовсе не соответствующее этому хмурому на первый взгляд человеку.

Александр Яшин сумел высечь искру смеха, сумел трогательно просто рассказать о немудреном быте тех, с кем делил он и горе, и короткие минуты радости.

Моряки и в ус не дуют,
Только строже глаз лихой —
Окопались и зимуют
У земли за пазухой.

Или вот такая, к примеру, зарисовка:

Камбуз,
Печка, два котла,
Кот приبلудший у стола.
Умывальник в уголку,
Полотенце на крюку,
И смолистый воздух.
Справа гнезда для гранат.
Пять винтовок, автомат —
Тоже в прочных гнездах.

Казалось бы, здесь нет батальных сцен, даже людей не видно, но мы слышим их поступь, видим потрясенные боем лица. Еще миг — и они перешагнут порог ставшего таким родным фронтового дома.

Лирика поэта — это его жизнь.

Яшин родился в 1913 году на Вологодчине, в деревне Блудново. Отца его немецкая пуля убила в 1915 году, когда сыну не было двух лет.

Родина Яшина — русский север, деревеньки, затерянные в дремучих лесах, быстрое течение реки, протяжная, чуть грустная песня. Для мальчика родная сторона, скромная северная природа казалась царством сказок.

Поколение Яшина выросло между двумя войнами, многие в нем еще детьми запомнили нашествие оккупантов, вышвырнутых с нашей земли молодою, только что рожденной Красной Армией. Юношей вступил Яшин в комсомол. В 1941 году стал членом Коммунистической партии.

В тот вечер он прочел нам много своих стихотворений.

Читал Яшин задумчиво, негромко.

Мне запомнилось стихотворение с эпиграфом из Пушкина: «О, поле, поле...»

Где конец его и где начало?
За два дня вокруг не обойдешь.
Рожь лежит: не ветром укачало —
Танки с глиною смешали рожь.

Я глядел на своих товарищей, слушавших молодого поэта. Глаза Вишневого увлажнились. Он, верно, вспоминал увиденное и в своей фронтовой юности.

Полюшко родное!
Светлый воздух.
Политая потом грудь земли.
Уцелели радуги да звезды...
Чистым полем варвары прошли.
Мы стоим — бушлаты нараспашку.
— Ничего! Крепитесь, моряки!
Час придет — возьмемся за распашку:
Нам и поле поднимать с руки.

Стихи эти были как целебный глоток живой воды. В них жили не только сумеречная явь, кровавые закаты, но и просвет, счастливый выход в будущее.

За окном слышался резкий, пронзительный свист, потом грохот. Здание трянуло. Лихорадочно застучал метроном, из черного круга репродуктора слышалось: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу». Надо было уходить в бомбоубежище.

...У меня сохранилась блокадная фотография того февральского писательского совещания. Вот Лев Успенский, старший из нас, так же как Яшин, прибывший с Ораниенбаумского «пятачка» из поселка Лебяжье, где размещалась его фронтовая редакция. Лев Васильевич называл это место ласково: «Лебяжская республика». Вот Яшин, кажущийся на снимке намного старше своих двадцати девяти лет. Вера Михайловна Инбер, приглашенная вместе с Верой Казимировной Кетлинской на совещание. Мои товарищи по балтийскому братству — Николай Браун, Анатолий Тарасенков.

Совещание удалось на славу. В дневниках Всеволода Вишневского и Александра Яшина о нем сохранилась подробная запись. Все мы понимали значение этого Большого писательского сбора, проходившего вопреки смерти, как свидетельство торжества живого писательского слова, поставленного на службу защиты культуры в боевой строй обороны города.

Яшин записал речь Вишневского. Автор «Оптимистической трагедии» привел высокие образцы слияния воинского долга и поэзии. Он говорил о древних греческих бойцах, воодушевлявших воинов в часы битвы. Вспоминал слагателей древнерусских былин, и среди них великого певца во стане русских воинов, безымянного автора «Слова о полку Игореве».

Вишневский говорил о традициях литературной группы Балтийского флота, о работе писателей на войне, о сути войны, о враге, о больших задачах, стоящих перед фронтовыми писателями.

В своем дневнике Всеволод Витальевич почти дословно записал и выступление Яшина.

«Читал стихи в блиндаже — обстрел, снаряд за снарядом, но слушают внимательно. «Люблю тебя, Петра творенье...» Только раз политрук извинился, перебил чтение: «Надо людей вести в атаку...» Немцы завшивели, опустились, а наши держатся, устраивают библиотеки, развесили картины в землянках. Воля к жизни у моряков огромная. В одной бригаде — восемь человек поэтов.

«Мы, молодое поколение. . . пройдем испытания, приобретем огромнейшие духовные богатства. . .»

Здесь не было второстепенного и главного. Вернее, все означалось главным, и суровая непреклонность людей, находившихся постоянно под огнем, и решимость продолжать во что бы то ни стало порученную работу, и трогательное чувство преданности к каждому своему товарищу.

Недавно, читая подготовленный к печати Златой Константиновной Яшиной блокадный дневник ее мужа, я увидел там воспоминание об одном из наших тогдашних свиданий.

Это было в первых числах апреля. В тот день был массированный фашистский налет на город. Основной удар направлялся на корабли Краснознаменного Балтийского флота, занимавшие боевые позиции на Неве.

Мы проводили вечер для партийного актива на Васильевском острове, в помещении райкома партии. Встреча была посвящена семисотлетию битвы Александра Невского с тевтонскими псами-рыцарями на Чудском озере. Вечер на половине пришлось прервать, бомбы падали совсем близко. Передали — прямое попадание в стоящий неподалеку Горный институт. Есть жертвы на кораблях.

В «Дневниках военных лет» Всеволода Вишневского об этом дне есть такая запись: «Отбой. . . В зале немного людей, но для оставшихся энтузиастов мы с подъемом проводим вечер. . . Очень дошли до аудитории стихов Яшина — и лирика, и юморески».

Когда мы возвращались к себе в Политуправление, небо было грозным, звездным. Ветер разогнал облака. Где-то гудел воздушный барраж. Ночь сулила новые испытания. Так оно и случилось. Мы еще не успели лечь после трудного дня, как опять забили зенитки. Прозвучал приказ: «Всем спускаться в убежище!» «Чтобы не терять времени, — вспоминает Вишневский, — провели и тут литературный вечер». Тема та же — семисотлетие Ледового побоища. Помню, как звучала под массивными сводами страстная речь Вишневского: «Никакие бомбы нас не остановят!»

Вспоминаю глухой, с хрипотцой голос Александра Яшина:

Схватка длилась минуты,
и сталь невтерпеж горяча.

Два иль три самолета
расчет орудийный подбил.
И зенитчик запел,
но теперь он не пел, а рычал:
— Я ж тебе говорил:
«На заре ты меня не бомби!»

«Мы умели смеяться, хоть часто бывало невмочь», так писал Яшин в этом стихотворении.

У него была сильнейшая дистрофия, цинга. После кашля на платке часто оставались сгустки крови. Категорически встал вопрос о немедленной эвакуации Александра. А он не хотел уезжать из заблокированного Ленинграда, чувствуя здесь себя на боевом посту.

Была еще одна причина: Яшин опекал близкую ему ленинградскую семью. И пока не решился вопрос о госпитализации старшего в семье, отца, кадрового ленинградского рабочего, и об отправке через кольцо блокады его предельно истощенной дочери Ольги, Яшин делал все, что было в его силах, для их спасения.

В эти трудные дни Александр Яшин непрестанно писал стихи. Он задумал тогда уже свою «Ленинградскую поэму» — о судьбе семьи Рожавиных, писал долго, мучительно. Поэма была опубликована посмертно, тридцать четыре года спустя после описываемых событий.

В последнюю нашу встречу, за два дня до отъезда, Яшин читал мне вступление к «Ленинградской поэме».

...Снаряд упал в сугробы, на бульвар —
И снег, как магний, вспыхнул за оградой.
Откуда-то свалился самовар —
С балкончика, наверно?
И пожар,
Опять пожар.
И новый взрыв снаряда.
В каком часу еще влетит, крутятся,
Кого убьет и где,
Кого разбудит? . . .
С утра из дальнобойных бьют орудий.
Шарахаются бронзовые люди,
Идут живые — не оборотятся.

Строчки эти навсегда врезались мне в память. Они казались всегда и продолжают оставаться сейчас грозной магической формулой стойкости сопротивления защитников Ленинграда.

Яшину было трудно читать. С болью я смотрел на заострившиеся черты его лица. Но мой товарищ по-прежнему держался стойко. Его поддерживала любимая работа — поэзия.

О чем мы говорили в эту последнюю апрельскую встречу? Впрочем, об этом лаконично и достоверно рассказывает в дневнике он сам. «Азаров сидел, пытался у меня работать, не вышло. Долго разговаривали. Я рассказывал о своей семье. . . он о своей. (Десять лет женат. Есть дочка маленькая. Жена — фото). Азаров — одессит. Что с отцом (врач) и с матерью, не знает. Написал пятнадцать строк поэмы».

Двумя днями позднее больной Александр Яшин выехал в Москву. Но оттуда он отбыл не в тыл, а на корабли Волжской военной флотилии под Сталинград.

Вот выдержки из писем, которые Яшин присылал нам в Ленинград:

«28/8 42 (почтовый штемпель)

Дорогой Всеволод Витальевич! Дорогие друзья и товарищи! 10 августа покинул Ульяновск одним из последних инструкторов Политотдела и сейчас двигаюсь на пароходе в Сталинград.

Путь медленный и связанный со всякими осложнениями и приключениями. . . Война снова пришла на Дон. После Ульяновского госпиталя и санатория чувствую себя хорошо во всех отношениях. Только под ложечкой, или где-то еще, сосет беспрерывно: так я и не закончил ни одной поэмы, не написал ни одного рассказа. . . Сейчас я очень доволен и рад, что буду на новом и сейчас наиболее важном и интересном театре.

Мой новый адрес — Сталинград, п/я 1514, Яшину А. Я.

Слежу за всем, что касается Балтики и вашей работы. Читаю все очерки и рассказы Вишневого В. В., Зонина (других не видел). Ответ на ваше (военсовета) приветствие в день ВМФ составлял я, не знаю, отправили ли его вам, потому что не было командующего. В «Огоньке» хотели издать стихи Всева. Азарова одной книжкой с моими — это мне говорили, когда я был еще в Москве. Вышли или нет? Очень желаю всем здоровья и постоянного творческого напряжения. С юга буду писать то, что будет можно. Постараюсь пойти навстречу противнику с моряками-пехотинцами. А. Яшин».

«Дорогой Всеволод Витальевич!

Сегодня заказной бандеролью посылаю Вам Сталинградскую поэму «Город гнева». Вы просили ее. Буду рад, если она Вам придется по душе. Сейчас возьмусь снова за «Ленинградскую поэму»... Желаю здоровья. Привет всем. Из госпиталя вышел и снова работаю. Ваш

Александр Яшин.

Хотелось бы получить письмо от Азарова».

«2/II.43

Дорогой Всеволод Витальевич!

...Я с большим уважением слежу за Вашей талантливой и многообразной работой на флоте, рад, что и мне, связавшему сейчас свою жизнь с флотом, привелось поработать под Вашим непосредственным начальством на Балтике. И меня волнует Ваше хорошее ко мне отношение.

После Сталинграда я все-таки не мог миновать госпиталя, хотя мне очень не хотелось ложиться и я долго крепился.

Все мы были очень взволнованы сообщением о прорыве блокады Л — да. От всей души поздравляю всех вас, всех ленинградцев. Верим, что прорыв будет расширен, раз начало сделано.

Я все время в курсе всех событий под Сталинградом, хотя и далеко сейчас от него — связь у нас с ним своя, не через печать, — полная, тесная, там наши.

Не сегодня-завтра ждем сообщения о полном прекращении боевых действий в Сталинграде.

Как там, вероятно, странно будет, когда затихнет все и не будет даже винтовочных выстрелов после ужасающего грохота и воя».

После Сталинграда Яшин был переброшен на Черноморский флот. Служил редактором краснофлотской газеты, политработником. Я аккуратно пересылал ему на полевую почту приходящие на его имя письма, получал весточки и от него.

У меня сохранились исписанные убористым почерком странички письма, отправленного с Черноморского флота. Вот оно:

«10.XI.43 г.

Дорогой Азаров!

Наконец могу сообщить свой постоянный адрес:

Полевая почта 70043-Б

А. Я. Яшину.

За то, что ты написал-таки мне единственное письмо (это не так, я писал и прежде, видимо, из-за перемены адресов мои письма к Яшину не доходили.— *Вс. А.*), спасибо. В ответ я пишу, наверное, третье или четвертое.

Что я тебя не забыл, это и говорить нечего. Тебя нельзя забыть, как Ленинград. Нельзя забыть о том концентрате гречневой каши, который ты дал для умиравшей семьи, о которой я заботился. Тогда это меня очень взволновало, очень.

За статью в «Звезде» спасибо (речь идет об очерке «Письма с Балтики», в котором, рассказывая об оперативной группе писателей КБФ, я говорил и о А. Яшине.— *Вс. А.*).

Но ведь ее надо мне иметь, а где же я ее возьму, если ты не вышлешь сам, вырвав хотя бы с мясом у других или из своей библиотеки.

Пришли, брат, пусть увидят хоть один ленинградский журнал и на Черном море.

Пошли и «Ленинграду» (мой сборник стихов под этим названием вышел в 1942 г. в Ленинграде) и др. Поверь, в долгу не останусь.

Я задумал сделать книжку «Посвящения», в которой будет три цикла: поэтам, дружбе, любви.

В первом разделе есть тебе, В. В. Вишневскому. Много уже написано. Ленинградская поэма все еще в работе. Сталинградские этюды «Город гнева» вышли в «Молодой гвардии» и Военмориздате.

Сейчас пишу, насколько успеваю (я зам. ред. одной газеты), книжку стихов «Сыну с фронта»... О возвращении на Балтику мне пока нельзя и думать, сюда перевели по состоянию здоровья.

Меня уже хотели было эскулапы демобилизовать, но я подлечился за 1—1/2 мес., в Кисловодске, перевелся на юг и снова живу.

Курить не курю. Клятву держу. Один раз был срыв из-за того, что мне пришлось курить астматол (у меня

появилась бронхиальная астма), но я быстро справился, когда слег.

Курить просто нельзя стало совсем.

На твоей родине я, наверное, буду раньше тебя.

Пиши, если что будет надо с Черноморья, все сделаю.

А вот ты, кроме «Звезды» и своих сборников, мог бы мне еще один неповторимый подарок сделать.

У меня нет ни одного сборничка из серии «Боевая к/фл. поэзия» с моими стихами, кроме «Отстоим Ленинград».

Сейчас мне все они стали дороги, даже и без моих стихов, а после отъезда — знаю — были и с моими.

За любую книжку в ноги бы тебе поклонился.

Будь здоров. Сообщи, пожалуйста, мой адрес Всеволоду Витальевичу.

Александр Яшин».

Я понимал, как дорого было Яшину все связанное с Ленинградом, и постарался выполнить его просьбу.

Не так давно в журнале «Наш современник» появилась «Ленинградская поэма». В ней — быт войны, страшная тяжесть блокады и в то же время торжество человеческого духа над смертью.

Я читаю сегодня с гордостью и болью ее заключительные оптимистические строки, их мой товарищ писал, будучи тяжело больным. Поэт работал над ними в городе-фронте, понимая, что каждая строчка может стать для него последней.

Но и в огненном Сталинграде, и на Черном море, когда в небе уже сверкали зарницы победы, Александр Яшин не забывал Ленинграда, с которым породнился в самые тяжелые для города и его защитников дни.

Словами поэта-моряка, исполненными веры в торжество мира, доброты, разума, мне и хочется закончить рассказ о поэте-воине, чью песню и жизнь тепло вспоминают его земляки, молодые ростки «Яшинской рябинки»:

Радуюсь я, что даль высока,
Я открываю ворот...
Чувствую, вижу: весна близка!
Издали к нам плывут облака,
Будто рядами входят войска
В освобожденный город.